

ГОРАН ПЕТРОВИЧ

Бумага

Москва

> МАГИСТРАЛЬ >

ГОРАН ПЕТРОВИЧ

Бумага

Москва

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Сер)-44

ПЗ0

Goran Petrović

PAPIR

Copyright © 2024, Vear Bogosavljević Petrović + Published
by agreement with Laguna, Serbia

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

ПЗ0 Петрович, Горан.

Бумага / Горан Петрович ; [перевод с сербского
Л. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-04-213667-2

Сербский писатель Горан Петрович задумал создать роман «Дельта», состоящий из четырех рукавов (циклов). Каждая книга цикла — независимое произведение. При этом книги из разных рукавов дополняют друг друга и складываются, подобно мозаике, в единый большой роман. К сожалению, Горан Петрович умер в 2024 году, не успев воплотить в жизнь весь свой грандиозный замысел. Роман «Бумага» относится к первому рукаву, а его действие разворачивается в Средние века.

Все Неаполитанское королевство обсуждает свою правительницу Джованну II. Ее называют ненасытной и распутной. Матери и сестры прячут от нее своих сыновей и братьев, чтобы те не попались на глаза страстной королеве. А Джованне все равно на пересуды. Она в очередной раз влюбилась. Чтобы добиться взаимности, Джованна собирает небольшое войско, заставляет присоединиться к походу десяток писателей и отправляется за драгоценной хлопковой бумагой. Virtuозы пера должны будут составить идеальное любовное послание, если, конечно, Джованне удастся раздобыть самую дорогую в мире бумагу. Всем известно, что после двенадцатилетней войны тряпичников, эту бумагу не продают людям с сомнительной репутацией и нечистыми помыслами.

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Сер)-44

© Савельева Л. А., перевод
на русский язык, 2025

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-213667-2

Если иметь в виду размеры мира, то литература, все то, что до сих пор написано, представляет собой всего лишь цитату, выделенную при попытке объяснить сущность человеческого рода.

Об этом скромно говорит в том числе и «Роман дельта», как в целом, так и каждая его отдельная книга.

Лишь человек иногда может состоять из того, чего в мире нет, потому что оно было потеряно или его никогда не было.

Вот почему на этом привилегированном месте нет цитат, цитата появится тогда, когда вы перевернете страницу...

РЕКРУТИРОВАНИЕ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ОГОНЕК

СЕРЕБРЯНЫЙ НАПЕРСТОК

ПОСЛЕДНИЕ НАСТАВЛЕНИЯ

ОГОНЕК

«НЕ БОЙСЯ, ТЫ НЕ ОДИН,
МЫ ЗДЕСЬ ВМЕСТЕ»

ЗДЕСЬ ЕЩЕ КТО-ТО ЕСТЬ?! В то же мгновение он перестал писать. Очень осторожно приподнял кончик пера над бумагой, боясь, как бы оно его не выдало, если хоть чуть-чуть скрипнет. Прислушался, но пока больше ничего не было слышно...

Однако в том, что огонек светильника на столе затрепетал, сомнений нет. Это предупреждение. Преданное ему пламя уже не раз своевременно предсказывало и приближение тех, кому он задолжал деньги, и появление целых трех заплаканных девиц, которые утверждали, что понесли от него, и двух обманутых разъяренных мужей со зловеще опущенными

головами, на которых, казалось, вот-вот прорастут настоящие рога, и одного поэта, насчет стихов которого он сказал, что основное их отличие от всех других состоит прежде всего в том, что они от других стихов не отличаются, после чего поэт поклялся его поколотить...

Так что коли у иных людей есть сторожевые собаки, которые яростно лают и клацают зубами, то у него имеется только крохотное пламя. Рядом с ним он чувствовал себя в безопасности. А ничего больше ему и не надо.

ОВЦЫ И РЫБЫ. Однако похоже, что на этот раз он опоздал. Потому что уже через пару трепетаний пламени кто-то постучал в дверь. Не особо сильно, но достаточно для того, чтобы огонек совсем утратил покой... Он прошептал:

— Ш-шш-шшш... Успокойся, верь мне... Не бойся, ты не один, мы здесь вместе... Давай-ка, выпрямляйся.

Слова ободрения не подействовали, пламя испуганно подрагивало на самом кончике фитиля из овечьей шерсти внутри светильника, наполненного рыбьим жиром, и, судя по природе овец и рыб, этот огонек, самый робкий среди всех иных огоньков, не мог загореться

от чего бы то ни было другого... За все годы верной «службы» он никогда не угасал сам собой, он дрожал, трепетал, но не затухал, пока «хозяин» не решит сам загасить его серебряным наперстком, чтобы спрятать и его, и самого себя. А ведь даже самые страшные сторожевые собаки не стыдятся поджимать хвост и оставлять своих хозяев на милость и немилость и взбешенных кредиторов, и девушек, не знающих, из чьей постели они встали поутру, и мужей, узнавших, с кем накануне легли в постель их жены, и поэтов, погрязших в тщеславии.

Поэтому, хотя он часто голодал и плохо одевался, последних денег на самый лучший рыбий жир и самую тонкую овечью шерсть он никогда не жалел. У него были проверенные поставщики, которые распознали эту его страсть и удваивали, а то и утраивали цену на свои товары. Стоило ему отвернуться, как они говорили: «Фанатик! Даже поддерживать огонь в знаменитом маяке порта Мессины стоит дешевле! Эх, побольше бы таких чудаков, где бы были!»

Он знал, что перекупщики его обманывают, но не менял их, коль скоро они поставляли ему то, что лучше всего подходило его светильнику.

Иногда казалось, что всё заработанное своим писанием он вкладывает в то, чтобы питать пламя, в свете которого он мог бы продолжать писать.

ДОХОДЫ... А много он не зарабатывал, потому как редко брался за рифмованные хвалебные тексты, которые заказывали знатные люди и богачи. Не хотелось, чтобы после ужина его стихи читали вслух жирными ртами, сквозь бороды, полные крошек, рыбьих костей или даже черешков и косточек от маслин, неизменно рыгая в каждом особенно возвышенном месте, копаясь в зубах кончиком языка всякий раз, когда слова кажутся им непонятными...

И переписывать долговые обязательства для купцов он тоже не хотел... Правда, однажды все-таки взялся за это дело, да только ничего из этого не вышло, потому что он уменьшил прибыль ростовщика, «укоротил» все многозначные числа... Под конец цифры не сошлись, а прощание с торговцем растянулось на целый час. Именно столько расщевивший купец гонялся за ним по всему Неаполю, чтобы деревянной линейкой длиной в один локоть — точно такой отмеряют самые дорогие и изыскан-

ные ткани — на глазах у всего города снять мерку с кожи у него на спине... И не догнал купец его лишь благодаря слишком низко натянутым веревкам для сушки белья на одной из улочек. Его спасло густое изобилие развешанных нижних юбок цвета снежной метели, в которой он и спрятался... И оставался там гораздо дольше, чем было необходимо, не прекращая глубоко дышать даже тогда, когда уже достаточно надыхался воздухом.

Ладно... Но все-таки многие могли бы задать вопрос, а за счет чего же он жил. Ответ был бы таков: как раз за счет тех, кто задает такие вопросы. Тех, кто из любопытства готов и заплатить кое-что, дабы хоть одним глазком заглянуть в его мир, совершенно иной, чем тот, в котором они прозябают самым обычным образом.

КРОМЕ ОГОНЬКА... Насчет всего остального, что требовалось ему, когда он писал, особо беспокоиться не нужно...

Светильник был самый обыкновенный, из обожженной глины, без украшений, важно, чтобы он служил, держал и не пропускал рыбье масло, которое постоянно стремилось из него вытечь...

РАЗНЫЕ ПЕРЬЯ... Его не беспокоил вид пера, которым он пишет, особенно же равнодушен он был к тому, как выглядит верхушка, важно, чтобы острие было срезано под правильным углом и он мог ясно «составлять» слова.

Какие там гордые, крикливые альбатросы, выдавшие морские волны и окруженные пеной скалы?! Какие чванливые с выпяченной грудью тетерева из древних лесов, зазнавшиеся, с течением времени забывшие, что они принадлежат семейству куриных?! Особо остановимся на переоцененных дворцовых павлинах, которые еще больше возвысились над обычными курицами и чьи слишком крупные перья только мешают, лезут автору в глаза, и, чтобы от них защититься, приходится то и дело на них дуть...

Что до него, то его пером могло быть и перо из хвоста цесарки, особенно если ему понравится крестьянка, которая продает эту цесарку на каком-то рынке... И тогда он заводит с крестьянкой разговор, умоляя ее позволить отщипнуть от товара одно-два пера. Да ему даже бывает достаточно ущипнуть только ее, уверяя, что этого никто не увидит... В конце концов цесарку ощипывают не ради перьев, а ради того, чтобы она окончила свою жизнь в кастрюле с супом, так что этого никто и не заметит.